
ДИСКУССИЯ

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА: ВЗГЛЯДЫ С РАЗНЫХ СТОРОН (ответ на комментарии)

© 2012 г. А. Л. Журавлев*, Д. В. Ушаков**

** Член-корреспондент РАН, профессор, директор Учреждения
Российской академии наук Института психологии РАН, Москва*

*** Член-корреспондент РАН профессор, заведующий лабораторией психологии
и психофизиологии творчества, там же*

В дискуссии “Психологического журнала”, начатой нашей статьей [3] по вопросу связи теории, эксперимента и практики в психологии, было опубликовано пять материалов известных авторов, которые высветили различные стороны проблемы и позволили нарисовать ее объемную картину [1, 4–6, 8]. Ввиду краткого формата нашего ответа участникам дискуссии мы не будем здесь комментировать содержательные и полезные суждения, высказанные в статьях Т.А. Жалагиной и Е.Д. Короткиной, а также А.В. Сухарева, а сосредоточимся на тех пунктах, вокруг которых развернулась полемика.

В своей весьма интересной статье А.Б. Орлов нарисовал картину нескольких исходных проектов психологии – экспериментального, разработанного В. Вундтом, “психогностического”, предложенного Ф. Гальтоном, и психопрактического (в другом месте – психопрактического), введенного З. Фрейдом [4]. Первые два проекта интегрированы друг с другом, в то время как третий продолжает существовать “в параллельной реальности”. Здесь, по мнению автора, и локализован схизис между академической психологией и психологической практикой.

А.Б. Орлов рассуждает о возможных вариантах преодоления этого схизиса, выражаемого формулой “Т vs. П” (теория противостоит практике). Это варианты $T \rightarrow P$ (практика основана на теории), $P \rightarrow T$ (теория основана на практике) и $T \leftrightarrow P$ (гармоничное взаимодействие теории и практики). Все эти варианты автор расценивает как не вполне обоснованные и предлагает свое решение: предметом психологии должна стать не психика испытуемого или отдельный ее компонент, а психологическая практика, например, консультационное или психотерапевтическое взаимодействие психолога-практика и клиента.

Тогда, считает А.Б. Орлов, и произойдет слияние двух психологий в одну.

Позиция А.Б. Орлова содержательна и оригинальна, однако мы не можем ее разделить по следующим основаниям.

Первое. Речь в дискуссии идет не просто об описании, а об объяснении взаимоотношения теории и практики в психологии. Объяснение предполагает наличие объясняемого, или, в логических терминах, экспланандума (которым в данном случае выступает синдром разрозненности теории и практики с симптомами разделения понятийных систем, сообществ и т.д.), и объясняющего, или эксплананса. Без эксплананса объяснение невозможно. Без него мы не сможем, например, понять в чем заключается отличие отношений теоретико-экспериментальных исследований и практики в психологии от других наук. Обсуждение возможных вариантов взаимодействия теории и практики без эксплананса подобно рассматриванию теней в Платоновой пещере без отсылки к тем людям и животным, которые, перемещаясь перед входом в пещеру, отбрасывают тени.

В качестве эксплананса и В.М. Розин, и мы обращаемся к способам работы знания в науке¹. В принципе возможны и другие типы объяснения, например, через социальную ситуацию. Послед-

¹ В.М. Розин считает, что психология пользуется не моделями, а схемами, эти схемы могут “вмещаться” человеку, отсюда и своеобразное гуманитарное соотношение теории и практики. Мы же объясняем наблюдаемые феномены, обращаясь к работам Я.А. Пономарева, через уровень психологических знаний, позволяющий создавать локальные модели, но не синтезировать их. Хотя конкретные варианты объяснений различны и приводят порой к диаметрально противоположным выводам, в обоих случаях тип объяснения сходен: обращение к специфически психологическим способам функционирования знаний, анализ работы концептуального аппарата психологии во взаимосвязи с подходами к эмпирическим исследованиям.

няя, однако, является скорее катализатором, чем действующей причиной.

В кратком изложении, в котором в силу жанра журнальной дискуссии представлены идеи А.Б. Орлова, эксплананс для анализа разрыва теории и практики в психологии не просматривается. Без этого остается непонятным, например, почему в психологии в отличие от других наук экспериментальный и практический проект не сходятся, а наоборот, как считает автор, все более расходятся. Если в физике, химии или биологии экспериментальные проекты вполне гармонично взаимодействуют с практикой, а в психологии – нет, то возникает необходимость углубить анализ, понять, в чем состоит особенность психологического знания и его отличие от знания в тех же физике, химии и биологии.

Ведь эксперимент, собственно, и дает возможность проверки (или фальсификации) моделей, а это значит, что экспериментально обоснованная теория может снабжать практику проверенными моделями объектов, которые позволяют практикам конструировать эффективные устройства и технологии. Разве, например, психотерапевтам не нужны модели объектов, с которыми они работают? Конечно, нужны. Более того, они эти модели (или, может быть, схемы, согласно позиции В.М. Розина) используют, однако без экспериментальной проверки.

Ответить на эти вопросы помогает обращение к способам функционирования знаний в психологии. Именно анализ этих способов, как нам представляется, должен составить ту базу, на которой возможно обсуждение феноменов расхождения теоретико-экспериментальной науки и практики в психологии.

Второе. С фактической точки зрения противопоставление экспериментального проекта практическому не вполне оправдано в том смысле, что экспериментальный проект привел к конкретным и осязаемым практическим разработкам. Этот пункт принципиален. Он показывает, что не существует абсолютного разрыва между теоретико-экспериментальной психологией и практикой. Даже если принять, что вундтовский и фрейдский проекты существуют в параллельных и непересекающихся мирах, то это не значит, что вундтовский экспериментальный проект (вместе с гальтоновским проектом в случае их различия) не имеет практических выходов. Эти выходы неоспоримы.

Классический пример практического выхода экспериментально-психологических разработок –

инженерная психология и эргономика, которые в 1960-е гг. стали базой для восприятия психологии в обществе как практически полезной науки. Подобного рода примеров множество. Возьмем ту прикладную область психологии, которая возникла из синтеза экспериментального и “психогностического”, по А.Б. Орлову, проектов – психодиагностику. В ее основе лежат фундаментальные исследования в области психологии индивидуальности. Измерение индивидуальных свойств с помощью тестов базируется на оценке их структуры, на факторно-аналитических исследованиях интеллекта и личности. Сегодня широко принято положение о том, что свойства личности представляют собой иерархическую структуру, на вершине которой находится “Большая пятерка” [13]². Многочисленным исследованиям также подвергнута структура интеллекта, и сегодня не вызывает сомнений ее многоуровневость, хотя существуют разногласия по совокупности факторов, входящих в эту структуру [9, 11, 12, 14]. Создаваемые в настоящее время психодиагностические инструменты (тесты, опросники и т.д.) исходят из выработанных в фундаментальной психологической науке представлений о структуре индивидуальных свойств.

Далее факторные структуры интеллекта и личности подкрепляются моделями механизмов. Например, в области интеллекта ведутся работы по исследованию механизмов, стоящих за различными эмпирически выявляемыми факторами. Особое внимание уделяется исследованию механизмов переработки информации, функционирование которых ведет к образованию генерального фактора. Постоянно выполняются работы по поиску механизмов “Большой пятерки” и других личностных свойств, вплоть до психофизиологических. Эта работа происходит на основе психологического эксперимента и является научным обоснованием современной психодиагностики.

Психодиагностика, однако, опирается и на другие научные сферы. Так, в разработке тестов используется математическая статистика, причем на смену классическим моделям приходят более продвинутые *IRT* методы. На повестке дня – разработка психологии тестирования, то есть научной области, изучающей взаимодействие пси-

² По поводу “Большой пятерки” в настоящее время продолжаются дискуссии, в частности ставится вопрос о наличии генерального фактора личности [10, 15, 16], однако во всех случаях речь идет об эмпирически обоснованной психологической теории свойств, которая выступает основой создания практических инструментов.

холога с клиентом в процессе психодиагностики и базирующейся на теории атрибуции [7].

Кроме фундаментальных, решаются и прикладные задачи, связанные с созданием тестов и включающие как исследовательский, так и технологический план. Так, например, развиваются технологии адаптивного и генерируемого компьютерами тестирования.

Фундаментальные и прикладные психодиагностические разработки внедряются в практику школьного образования, профессионального рекрутинга и т.д. Результаты применения психодиагностических методов на практике проверяются, в том числе с помощью таких статистических методов, как мета-анализ эффективности. Он, например, показывает, какие интеллектуальные и личностные свойства лучше всего предсказывают успех в различных профессиях.

Конечно, психодиагностика сталкивается со специфическими проблемами. Так, в нашей стране остро стоит вопрос о лицензировании тестов, наличии контрафактной продукции и пр., что составляет предмет забот Российского психологического общества. Однако несомненно, что в сфере психодиагностики наблюдается выстроенная цепочка связей между теорией, экспериментом и практикой.

Следовательно, в контексте проблемы связи теоретико-экспериментальной психологии и практики надо иметь в виду не одну лишь психотерапию, а всю совокупность практического применения психологического знания.

Необходимо также уточнить, что означает пребывание вундтовского и фрейдовского проекта в “параллельных мирах”. Фактически речь идет о двух феноменах. С одной стороны, модели психической реальности, разработанные и используемые в различных психотерапевтических школах, начиная с фрейдовской, не выдерживают экспериментальной проверки. Характерен в этом плане пример А. Бека, который не получил экспериментального подтверждения фрейдовской модели, а затем не был принят в Психоаналитическую ассоциацию на том основании, что сам факт его попыток экспериментальной проверки говорит о том, что он не подвергся “правильному психоанализу”.

С другой стороны, модели, разрабатываемые в экспериментальной психологии, в большинстве случаев оказываются бесполезными для психотерапевтов (но не во всех, если вспомнить пример того же А. Бека). В других областях практики, как

уже отмечалось, эти модели оказываются полезными.

Не то чтобы миры были “параллельными”, а скорее представителям двух проектов не удастся (надеюсь, временно) сделать шаги навстречу друг другу.

Третье. Предлагаемый А.Б. Орловым позитивный путь – психологическая практика как предмет психологического исследования – заслуживает серьезного внимания. В другом месте [2] мы писали о двух основных путях взаимодействия теоретико-экспериментальной науки и практики, называя их *А*- и *В*-взаимодействием. Взаимодействие типа *А* заключается в том, что модели явлений или процессов, проверенные в экспериментальных ситуациях, используются при проектировании и создании практически важных технологий или технических объектов. При этом экспериментальные ситуации, как правило, мало похожи на ситуации практического внедрения. Бросание камней с Пизанской башни, удар током в лапу Павловской собаки или разгон частиц в коллайдере – пример таких экспериментальных ситуаций, которые, вопреки У. Найссеру, отнюдь не обязаны быть “экологически валидными”. Таким образом, при взаимодействии типа *А* модели естественных явлений, пройдя через процессы инженерного конструирования, приводят к созданию практически полезных устройств и технологий.

Взаимодействие типа *В* состоит в систематическом сборе и обработке сведений о результатах практического применения устройств или технологий. Эти сведения позволяют оценить эффективность и безопасность искусственных разработок, однако, как правило, добавляют мало информации о протекании естественных процессов. Если ракета-носитель разваливается, не выведя спутник на орбиту, то под вопрос ставятся не законы Ньютона, а конструкция ракеты или ее отдельных узлов и, возможно, компетентность конструкторов. Вместе с тем при большой сложности научного предмета *В*-взаимодействие – действительно серьезный ресурс для сближения теоретико-экспериментальной науки и практики. Однако для повышения его эффективности еще многое надо сделать, что более подробно изложено в другой нашей публикации [2].

В то же время не совсем понятно, почему А.Б. Орлов противопоставляет психологическую практику как предмет психологии всем другим аспектам ее предмета: “предметом психолога-исследователя оказывается **не** некий испытуемый (или, точнее, не некий аспект его психики), но

психологическая практика как таковая” [4, с. 164]. Вряд ли можно согласиться с тем, что психология должна отказаться от исследования человека в любой другой среде, кроме случаев работы с психологом-практиком. Это было бы подобно требованию ограничить предмет исследования медиков взаимодействием врачей с пациентами. В этом случае мы бы рисковали получить очень искаженное представление о функционировании человеческого организма.

Собственно, З. Фрейд и создал теорию психики человека, основываясь на практике своего взаимодействия с пациентами. Ограничением такого рода попыток всегда является субъективность интерпретаций и ограниченность объекта опыта и ситуаций, в которых проходят испытания. Предложения А.Б. Орлова интересно рассмотреть в контексте проблемы извлечения из клинического опыта воспроизводимых и проверяемых данных, а не создания очередных психотерапевтических мифов.

В целом можно констатировать, что указанный А.Б. Орловым путь активно используется современной психологией, однако он должен быть включен в контекст более широкого взаимодействия теоретико-экспериментальной психологии и практики.

Дискуссия развернулась в еще одном принципиальном направлении. В.М. Розин продолжил полемику, начатую уже в исходной статье, где мы старались показать объяснительные возможности подхода, анализирующего способы моделирования в психологии. Благодаря точной аналитике, содержащейся в статье В.М. Розина, удастся четче локализовать предметы дискуссии. Обсуждение фактически концентрируется вокруг того, что же является “единицей” психологического теоретизирования – модель или схема.

В.М. Розин аргументирует то, что психология не оперирует моделями, которые содержали бы в себе описание законов. Используя в качестве примера упоминавшуюся в нашей первой статье теорию когнитивного диссонанса Л. Фестингера, он подходит с этой точки зрения к жизни таких людей, как Августин Аврелий и Сведенборг, и утверждает, что в одних случаях когнитивный диссонанс действует, а в других – нет. В.М. Розин считает, что “механизм” когнитивного диссонанса включен в состав разного “целого” личности. В составе одного целого этот механизм действует, а в составе другого – нет. По мнению автора, психологи могут объявлять механизмами, процессами и закономерностями то, что связано с некоторой

структурой целого личности или культуры, и вне этого целого не наблюдается.

Отдавая должное качеству анализа, проведенного В.М. Розиным, и серьезности поднимаемых им проблем, мы тем не менее выскажем несколько положений, позволяющих интерпретировать ситуацию в терминах естественно-научного подхода. Заметим, что логика обсуждения выводит нас за пределы собственно вопроса отношений теории, эксперимента и практики в психологии в более широкую плоскость природы психологического знания. Из отмеченного выше ясно, что выход за указанные пределы в конечном счете неизбежен, поскольку природа психологического знания выступает объяснительным принципом в отношении вопросов связи теории и практики в психологии. Однако в контексте и при объеме данной статьи можно лишь наметить позиции, оставив их полное развертывание для публикаций, специально посвященных проблеме психологического знания.

Прежде всего согласимся с В.М. Розиным: модели психологов при анализе вопроса такой сложности, как духовные поиски Августина, могут работать только как схемы³. Однако не так ли обстоит дело в эталоне продвинутой естественной науки – физике? Современная психология не способна построить точную модель переживаний Августина, но и физика вряд ли построит точную модель знаменитого извержения Везувия. При этом точные физические законы начнут работать как качественные схемы. А ведь мы не откажем физике в том, что она устанавливает и использует естественно-научные законы.

Между установлением закона и описанием реального сложного объекта в терминах этого закона существует большая дистанция. Установленный закон, например, известный даже школьникам закон Авогадро, применим к идеальному объекту. Необходима специальная работа для переноса его на реальный объект. Более того, структура реального объекта, как правило, предполагает протекание многих процессов, описываемых разными законами. Именно так происходит со сложными явлениями, например, с вулканической активностью.

³ Пример с Августином вряд ли адекватен для применения модели когнитивного диссонанса. Смена убеждений или их борьба происходят под действием не только когнитивного диссонанса, но и других механизмов или законов. Например, С. Московичи описывает феномен обращения, который экспериментально исследовал в связи с влиянием меньшинства в социальных группах.

Аналогичным образом обстоит дело с психологическими законами или закономерностями⁴, которые устанавливаются в чистом виде в специальных условиях психологического эксперимента, создающего возможность тестировать объект, максимально приближенный к идеальному. В эксперименте создаются строго контролируемые условия, в которых механизм срабатывает наиболее чистым образом. Подобно тому, как нагревание приводит к линейному расширению тел только при дополнительных условиях (например, при неизменном давлении), психологические механизмы также предполагают определенные условия их действия. При применении полученных в эксперименте закономерностей к условиям жизни реального человека всегда необходима адаптация. Например, одно дело – когнитивный диссонанс в специально созданных лабораторных условиях, а другое – в реальной жизни, где существует множество в большей или меньшей степени противоречивых тенденций и мотивов. Наконец, в реальности когнитивный диссонанс действует наряду со многими другими процессами: идентификацией с различными группами, влиянием большинства и меньшинства, каузальной атрибуцией, процессами созревания решения и др. Не имея всех параметров для анализа этих процессов в поведении конкретного индивида, психология, конечно, способна прибегать в этом случае к установленным ей механизмам только как к схемам. Но, повторим, то же происходит и в физике применительно к объяснению сложных процессов.

Другими словами, при описании такого сложного целого, как человек, психология оказывается в том же положении, что и физика при описании сложных процессов земной коры: даже при знании всех необходимых законов отразить его очень трудно, поскольку эти законы нужно применить к сложному объекту, а скрытость многих переменных (многое в психике каждого человека скрыто от нас, как глубинные слои Земли под ее поверхностью) делает все мероприятие еще более проблематичным. В результате предсказать землетрясение оказывается столь же сложно, как

и избавить человека, прошедшего психотерапию, от соответствующих симптомов.

В более общем плане можно предположить, что на данном этапе развития науки существует такой уровень сложности объекта, при котором модели, описывающие различные процессы в объекте, начинают работать как схемы. Тогда при сложности объекта психологии не приходится удивляться не очень широкой применимости ее моделей.

Таким образом, мы считаем оправданной точку зрения, согласно которой психология устанавливает законы или закономерности и использует модели объектов, а не только схемы.

Кроме того, весьма принципиален вопрос о том, что же представляет собой целое, к которому В.М. Розин постоянно апеллирует, не расшифровывая эксплицитно. Наиболее естествен в данном случае ответ, что целое, например личность, представляет собой стремящуюся к гармонии систему механизмов и процессов. Каждый человек и каждая культура, безусловно, представляют собой уникальные объекты. Однако “строительным материалом” для целого психики человека выступают отдельные механизмы и процессы, без которых она лишилась бы своей основы. Эти процессы и механизмы определяют ограничения, накладываемые на целостную индивидуальность. Ведь как бы ни была высока культура общества, еще никогда не удавалось инкорпорировать в нее, например, шимпанзе; это возможно только для человеческих особей (и то не для всех), обладающих определенным уровнем развития тех самых процессов и механизмов. При понимании целого личности как высокоорганизованной системы само собой разумеющимся оказывается и понимание компонентов целого как естественных процессов и механизмов.

В заключение хотелось бы нарушить установленный выше нами же самими принцип обсуждать лишь те работы, которые полемизируют с нашими положениями, и отнестись к некоторым суждениям, высказанным в статье А.В. Юревича [8]. А.В. Юревич, как известно, был одним из тех авторов, которые в 1990-е гг. вынесли в поле методологического обсуждения в нашей стране проблему связи теории и практики. В этом плане примечательна эволюция его взглядов на эту проблему. В данной дискуссии А.В. Юревич помещает эту проблему в общенаучный контекст, устанавливая параллели между теми феноменами, которые наблюдаются в психологии и естественных науках, часто принимаемых за образец – физике, химии и т.д. – и показывает, что особенности ситуации,

⁴ Представляется, что тенденция использовать термин “закономерность” связана с тем, что слово “закон” звучит очень пафосно, подразумевая фундаментальную закономерность. Психология действительно не может похвастаться обилием фундаментальных законов, но при этом существует немало установленных локальных закономерностей. Здесь проявляется отмеченная нами, вслед за Я.А. Пономаревым, особенность психологического знания – работа с локальными моделями и сложность их интеграции в глобальные.

наблюдаемой в психологии, не являются столь уж радикальными.

Кроме того, А.В. Юревич обращает внимание на общесоциальные задачи психологии, имеющиеся помимо задач, решаемых в интересах отдельных клиентов. Автор считает, что клиент психологии – это и общество в целом, которое тоже может страдать от недугов, связанных с психологией. Представляется, что это очень важное новое направление в разработке проблемы связей теоретико-экспериментальной психологии с практикой.

Выражая благодарность всем коллегам, принявшим участие в дискуссии, мы надеемся на прогресс в одном из ключевых для нашей науки вопросов – соотношения теоретико-эмпирических исследований и практики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жалагина Т.А., Короткина Е.Д. Психология на пути интеграции науки и практики // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 1.
2. Журавлев А.Л., Ушаков Д.В. Практична ли фундаментальная психология? // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 2. С. 42–49.
3. Журавлев А.Л., Ушаков Д.В. Фундаментальная психология и практика: проблемы и тенденции взаимодействия // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 3. С. 5–16.
4. Орлов А.Б. Психологическая практика как предмет фундаментальной психологии // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 2. С. 124–126.
5. Розин В.М. Комментарии к статье А.Л. Журавлева и Д.В. Ушакова “Фундаментальная психология: проблемы и тенденции взаимодействия” // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 2. С. 119–123.
6. Сухарев А.В. Методологический кризис в психологии: стратегия выхода // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 1.
7. Ушаков Д.В. Интеллект: структурно-динамическая теория. М.: Институт психологии РАН, 2003.
8. Юревич А.В. Исследовательская и практическая психология: еще раз о “схизисе” // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 1.
9. Carroll J.B. Human cognitive abilities: a survey of factor-analytic studies. N.Y.: Cambridge University Press, 1993.
10. Erdle S., Irving P., Rushton J.P., Park J. The general factor of personality and its relation to self-esteem in 628640 Internet respondents // Personality and Individual Differences. 48. 2010. P. 343–346.
11. Johnson W., Bouchard T.J. The structure of intelligence: it is verbal, perceptual, and mental rotation (VPR), not fluid and crystallized // Intelligence. 33. 2005. P. 393–416.
12. Johnson W., Bouchard T.J. The MISTRA data: Forty-two mental ability tests in three batteries // Intelligence. 39. 2011. P. 82–88.
13. McCrae R.R., Costa P.T. Validation of the five-factor model across instruments and observers // Journal of Personality and Social Psychology. 52. 1987. P. 81–91.
14. McGrew K. CHC theory and the human cognitive abilities project: Standing on the shoulders of the giants of psychometric intelligence research // Intelligence. 37. 2009. P. 1–10.
15. Van der Linden D., te Nijenhuis J., Bakker A. The General Factor of Personality: A meta-analysis of Big Five intercorrelations and a criterion-related validity study // Journal of Research in Personality. 44. 2010. P. 315–327.
16. Zawadzky B., Strelau J. Structure of personality: The search for a general factor viewed from a temperament perspective // Personality and Individual Differences. 49. 2010. P. 77–82.